

**Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. Сборник материалов международной научной конференции – Астана, 2008. 378 с.
Статья: стр. 187 – 204.**

Кузьмин Н.

**Этапы сложения и развития тесинской культуры
(по погребальным памятникам степей Минусинской котловины)**

Введение. Военно-политические события, происходившие в Центральной Азии и Южной Сибири в ранний период гунно-сарматской эпохи, полностью изменили динамику и характер этнокультурного развития кочевников и полукочевников, занимавших данную территорию в скифское время. В изучении памятников хуннского времени этих регионов выделяются два основных направления: 1. Исследование собственно хуннских комплексов 2. Исследование памятников, оставленных другими разноэтническими по своему составу племенами хуннского окружения, в частности, «северными народами» – населением Саяно-Алтая, вступившим в непримиримую войну с хунну. К последнему направлению работ относится и проведенное автором изучение позднеатагарских, тесинских и раннеташтыкских погребальных памятников, сооружавшихся в степях Минусинской котловины (Kouzmine, 2005).

Тесинские погребальные памятники – курганы-склепы, отдельные грунтовые могильники и впускные захоронения – одни исследователи отнесли к заключительному этапу атагарской культуры (Теплоухов, 1929; Киселев, 1949; Грязнов, 1968), другие – к переходному атагаро-таштыкскому периоду (Кызласов, 1960; Пшеницына, 1975; 1992), третьи – к таштыкской культуре (Членова, 1964). По моему мнению, данные памятники характеризуют отдельную тесинскую культуру, существовавшую в степях Минусинской котловины с конца 3 в. до н. э. до начала 3 в. н. э. (Кузьмин, 1987; 1992а; 1995; Kouzmine, 2005). По заключению Э.Б. Вадецкой, поздние сарагашенские курганы, тесинские курганы-склепы, инокультурные (тесинские – Н.К.) грунтовые могильники, таштыкские грунтовые могилы и некоторые из малых таштыкских склепов сооружались одновременно в первые века нашей эры (Вадецкая, 1999). Разночтения в установлении культурной принадлежности и хронологии тесинских погребальных памятников приводят к расхождениям в этнических определениях и исторических выводах.

В основу анализа материалов положен метод корреляции стратиграфических данных и признаков, характеризующих наземные и подземные сооружения, погребальный обряд, инвентарь. Первоначальный анализ проведен на материалах раскопок атагарских, тесинских и таштыкских памятников, расположенных на территории одного микрорайона собственно Минусинской котловины (Озна-

ченская оросительная система), итоги проверены на всей сумме доступных данных.

При культурно-хронологической систематизации материалов учтены физико-географические различия двух регионов Минусинской котловины – степной (собственно Минусинская, Сыдо-Ербинская и южная часть Чулымо-Енисейской котловины) и лесостепной (северная часть Чулымо-Енисейской котловины, Назаровская котловина) зон.

Понятие «погребальный обряд» применяется в двух значениях – узком и расширенном, сформулированным М.П. Грязновым как система действий сородичей до похорон, во время похорон и после них. Реконструкция этих действий, основанная на анализе археологических материалов, дает возможность адекватно привлекать материалы по этнографии народов Сибири, что помогает воссоздать систему религиозных представлений и верований, определявших подобные действия.

Синхронизация тесинской культуры с периодом существования империи Хань в Китае позволяет привлечь для исторической реконструкции некоторые из китайских письменных источников, в которых содержатся сведения о народах, проживавших в конце 3 в. до н.э. – 3 в. н. э. в Саяно-Алтае, в частности, на территории Минусинской котловины.

Итоги картографирования и корреляции признаков.

1. Тагарская культура не прекратила своего существования с наступлением хуннской эпохи. Позднейшие из сарагашенских курганов лепешкинского типа, как и отдельные коллективные впускные могилы, предназначенные для захоронения рядового населения, сооружались в начальный период одновременно с ранними тесинскими курганами-склепами: курган у дер. Лепешкина (Вадецкая, 1986, 118), Колок курган 6 (Хаславская, 1980), Медведка II курган 1 (Боковенко, Красниенко, 1988), курган у дер. Новомихайловка могила 3 (Кузьмин, 1995), Большой Полтаковский курган могила 2 (Курочкин, 1993б) и др.

В лепешкинских могилах, в отличие от ранних тесинских склепов, нет трепанированных черепов, в инвентаре присутствуют типично сарагашенские вещи: бронзовые олени, пин, факельницы, навершия и др. Те и другие памятники синхронизируются по найденным в них специфическим вещам-индикаторам.

2. Видимо, в то же время возводились и монументальные «царские» курганы с захоронениями небольшого числа представителей высшей элиты и, вероятно, их слуг: Большой Салбыкский курган (Киселев, 1956; Грязнов, 1968; Дэвлет, 1976; Членова, 1992; Евразия в скифскую эпоху..., с. 174 – 175; рис. 1), Большой Новоселовский курган (Курочкин, 1988; 1993а; 1993б; Курочкин, Павлов, 1995), курган в пункте Барсучий Лог (Готлиб, Парцингер, Наглер, 2007; Parzinger, Nagler, Gotlib, 2007). Почти все исследователи относят эти курганы к сарагашенскому этапу тагарской культуры и датируют в пределах 5 – 3 вв. до н. э.

3. Установлено, что ряд инноваций в архитектуре, погребальном обряде и инвентаре тесинских курганов-склепов (и частично лепешкинских курганов), определивших специфические черты новой культуры, связан с курганами высшей элиты (188/189)

знати. Воздействие было непосредственным и прямым, что говорит о ведущей роли элиты (возможно пришлой) в формировании новых культурных традиций у части позднетагарского населения.

4. К настоящему моменту в степной зоне Минусинской котловины исследовано не менее 32 тесинских курганов-склепов и около 800 грунтовых могил, что почти в три раза больше числа памятников (8 склепов и 294 грунтовые могилы), учтенных к 1975 г. (Пшеницына, 1975). Их картографирование принципиально меняет общую картину: большинство небольших и средних по размерам грунтовых могильников

концентрируется на юго-западе собственно Минусинской котловины. Здесь находится и большая часть исследованных раннетесинских склепов. В этом районе начинаются тропы, соединяющие Минусинскую котловину с Алтаем и Тувой. Грунтовые могилы отсутствуют в лесостепной зоне, начинающейся севернее р. Чулым в Чулымо-Енисейской котловине.

5. По комплексу признаков, включающих и конкретные стратиграфические факты, выделяются тесинские курганы-склепы раннего (означенного) и среднего (тесинского) этапов. Позднейшие сарагашенские курганы лепешкинского типа с коллективными могилами рядового населения и «царские» курганы возводились до появления тесинских курганов-склепов второго этапа.

6. Ранние тесинские склепы сначала сооружались внутри или поверх более ранних сарагашенских могил, позднее тесинские курганы-склепы возводились одиночно, на значительном удалении от сарагашенских курганных могильников. Склепы курганов первого этапа, как правило, не сожжены. Черепа многих скелетов трепанированы, вероятно, производились и другие искусственные операции с трупами. Инвентарь представлен бронзовыми миниатюрами (кинжалы, чеканы, ножи, зеркала) и глиняными сосудами уменьшенных форм. В тесинских склепах собственно Минусинской котловины нет сарагашенских бронзовых факельниц, наверхий, оленей, пнн.

7. В тесинских склепах второго этапа найдены железные изделия и предметы «хуннского» типа. Тела всех умерших подвергались искусственным операциям, черепа скелетов не только трепанированы, но и моделированы глиной и гипсом.

8. Тесинские грунтовые могилы сооружались отдельно или впускались в насыпи внутри оград курганов предшествующих эпох, а также и в насыпи внутри оград раннетесинских курганов. Следовательно, грунтовые могилы появляются позднее тесинских курганов-склепов первого этапа и должны быть синхронны склепам второго этапа, что подтверждают находки однотипных вещей в тех и других памятниках.

9. Расположение отдельных грунтовых могильников не случайно. Часто они сооружались в пределах 1 км к юго-западу от курганов среднего периода. Данный факт свидетельствует о взаимосвязи групп населения, оставивших те и другие памятники.

10. В насыпях двух курганов среднего периода обнаружены тесинские впускные могилы. Так как они сооружены позднее курганов второго этапа, их следует отнести к последующему – третьему этапу. В это же время в грунтовых могильниках (189/190) сооружались и позднейшие тесинские могилы, выделяемые по типологическим признакам.

11. Помимо грунтовых могил к третьему этапу (туимский) относятся два наиболее поздних по ряду признаков тесинских кургана-склепа (Туим, Уйбат).

12. Новые тесинские культурные традиции, отраженные в конструкциях, обряде и инвентаре погребальных памятников, сложились на юге Хакасии, в собственно Минусинской котловине, и достигли территории Чулымо-Енисейской котловины позднее; сарагашенские традиции существовали на севере дольше, чем на юге, а абсолютный возраст раннетесинских по типу курганов в северном регионе может быть значительно моложе. Нивелировка определенного «запаздывания» в распространении

инноваций в погребальных памятниках на севере степной зоны происходит в тесинских курганах-склепах второго этапа, хотя в их инвентаре заметны некоторые тагарские «архаизмы», они, как и раннетесинские склепы, могут иметь отличный от южных склепов (более молодой) абсолютный возраст.

13. По стратиграфическим данным таштыкские грунтовые могилы сооружались позднее тесинских грунтовых могил и склепов второго этапа. Одна таштыкская могила была впущена в насыпь позднетесинского кургана. Следовательно, по крайней мере, часть таштыкских грунтовых могил была сооружена позднее тесинских курганов-склепов третьего этапа.

14. Во время раскопок у горы Тепсей М.П. Грязнов проследил, что таштыкский склеп перекрыл таштыкскую грунтовую могилу. На основании этого факта был сделан вывод о том, что склепы сооружались позднее грунтовых могильников (Грязнов, 1979).

Курганы высшей знати. Самый большой из раскопанных в Минусинской котловине курганов – Большой Салбыкский – исследован С.В. Киселевым в 1954 – 1956 гг. в урочище Салбык, где находилось 14 монументальных курганов (Киселев, 1956; Дэвлет 1976; Членова 1992; рис. 1). Большинство исследователей курган был отнесен к разряду «царских» сарагашенских памятников и датировался 4 – 3 вв. до н. э. (Грязнов, 1968). По современным данным радиоуглеродного анализа курган был сооружен не позднее 5 в. до н. э. (Евразия в скифскую эпоху..., с. 174 – 175).

Оспорила устоявшуюся точку зрения Э.Б. Вадецкая. Основываясь на находке в камере второго бронзового (миниатюрного) ножа (?) и значительном конструктивном сходстве кургана Салбык с тесинскими курганами-склепами, она отнесла время его сооружения к хуннскому периоду, не ранее 2 в. до н. э. и не позднее 1 в. н. э. (Вадецкая, 1994). Такое решение выглядит излишне радикальным, но сама попытка приблизить памятник к хуннскому времени не лишена оснований. Представляется более вероятным, что курган был сооружен на рубеже скифского и хуннского времени, то есть во второй половине 3 в. до н. э. В этой связи интересен уже отмечавшийся ранее факт временного совпадения двух событий: на Алтае прерывается традиция сооружения больших курганов пазырыкской знати, (190/191)

в Минусинской котловине начинается возведение больших «царских» курганов (Кузьмин, 1989).

Монументальная конструкция, земляная насыпь в форме усеченной пирамиды, каменная ограда с входом с восточной стороны, сооруженная из вкопанных «на ребро» плит и дополненная по верху горизонтальной кладкой, большое число высоких угловых и простеночных камней (23), одна могила-склеп, смещенная от центра ближе к западной стороне ограды, вход-дромос, примыкающий с запада к могиле, несколько бревенчатых накатов, покрытых листьями бересты, деревянные стойки, укреплявшие земляные стенки могильной ямы, покрытый берестой деревянный пол (рис. 1) – все эти архитектурные и строительные элементы в полном объеме станут характерными для тесинских склепов (рис. 2). Некоторые из них прослежены и в позднейших сарагашенских курганах, исследованных, например, у пос. Разлив (Пшеницына, 1994) и на территории Означенской ОС (Боковенко, Красниенко, 1988). К сожалению, могила кургана Салбык была полностью разграблена и по найденным остаткам судить об особенностях обряда и инвентаря не представляется возможным. В какой-то мере восполняют утерянную информацию еще два подобных памятника.

В 2004 – 2006 гг. сотрудниками совместной Российско-Германской экспедиции под руководством А.И. Готлиба, Г. Парцингера и А. Наглера исследован курган в пункте Барсучий Лог, который по высоте пирамидальной насыпи, размерам каменной ограды, количеству высоких угловых и простеночных камней, устройству погребальной камеры с входом-дромосом вполне сопоставим с курганом Салбык. Материалы раскопок пока полностью не опубликованы, но уже появившаяся в печати информация об этом крайне важна для решения ряда актуальных задач памятнике достаточна для подключения его к обсуждаемой теме (Parzinger, Nagler, Gotlib, 2007; Готлиб, Парцингер, Наглер, 2007).

В кургане Барсучий Лог, также как и в кургане Салбык, с северо-восточной стороны был сооружен вход в ограду, запертый позднее плитами. Такая особенность характерна и для некоторых из тесинских курганов (например, Тогр-Таг). Ограда размерами 54 x 55 м сооружена иначе, чем в кургане Салбык: кладка из горизонтально уложенных плит была дополнена с внешней стороны вертикально врытыми плитами, укрепленными контрфорсами. Общее число высоких стел 27. Подобная строительная техника характерна для оград тесинских курганов, например, для кургана Новые Мочаги.

Погребальная камера кургана Барсучий Лог, как и в кургане Салбык, смещена от центра и расположена ближе к юго-западной стороне ограды. Могильная яма размерами 7,35 x 7,20 м (по верху?) и 3,6 м глубиной. В могильной яме был установлен сруб, за срубом – тын, могила перекрыта бревнами, обернутыми берестой. Вход-дромос в камеру, как и в кургане Салбык, был сооружен с юго-западной стороны. Все эти конструктивные особенности отмечены в позднейших рядовых сарагашенских и тесинских курганах.

Камера сожжена и разграблена. Судя по сохранившимся костям, в могиле было захоронено трое мужчин и одна женщина. Среди немногих сохранившихся- (191/192)

предметов инвентаря названы фрагменты сарагашенских сосудов, стеклянные бусины, бронзовая проколка и обрывки золотой фольги, покрывавшей ранее мелкие изделия из дерева или кожи. На приведенной фотографии среди оттисков на фольге видны неотчетливые изображения (животных?), вполне определимы круглые накладки на бусины и накладки с резным треугольным орнаментом. Все они имеют многочисленные аналогии в позднейших сарагашенских и ранних тесинских курганах.

Как понятно из контекста опубликованных статей, курган датирован сарагашенским временем. Скорее всего, как и в случае с курганом Салбык, радиоуглеродная датировка определит абсолютное время, соответствующее началу сарагашенского периода.

Однако археологическая датировка по особенностям конструкции, обряда и найденным вещам не согласуется с этой ранней датой. Узкую датировку памятника определяют две находки: бронзовая обоюдоострая проколка с расширяющейся средней частью и фрагмент керамики с орнаментом в виде свисающих треугольников, заполненных ямками. Они встречаются в позднейших сарагашенских памятниках лепешкинского типа и ранних тесинских склепах. Курган Барсучий Лог, несомненно, сооружен позднее кургана Салбык, видимо, не ранее начала 2 в. до н. э.

Меньший по размерам Большой Новоселовский курган (могильник Толстый Мыс V курган 2) был раскопан Г.Н. Курочкиным за северной границей Республики Хакасия в

Новоселовском районе Красноярского края на территории Новоселовской ОС, почти на границе степной и лесостепной зон, проходящей по р. Чулым.

Могильник Толстый Мыс V состоял из трех курганов, расположенных на расстоянии около 1 км друг от друга. В 1984 г. Г.Н. Курочкин исследовал первые два кургана, а в 1987 г. – третий (Курочкин, 1988; 1993а; 1993б; Курочкин, Павлов, 1995). Горизонтальная и вертикальная стратиграфия курганов и могил, найденный в основной могиле кургана 2 инвентарь позволяют более четко определить время создания этого памятника и, соответственно, уточнить датировку двух «царских» курганов, рассмотренных выше.

В ограде кургана 1, занимающего крайнее северное положение, исследованы две могилы позднейшего сарагашенского типа, третья, дополнительная могила, сооружена позднее – судя по инвентарю (бронзовые миниатюры) – в раннетесинское время.

В ограде кургана 3, сооруженного южнее других, находилась одна могила. В ней выделяются два уровня захоронений: на полу (с бронзовыми миниатюрами – раннетесинского времени) и на деревянном настиле (с железными вещами – среднетесинского времени).

Курган 2 (Большой Новоселовский) расположен восточнее, на равном удалении от курганов 1 и 3. Следовательно, к моменту его возведения курганы 1 и 3 уже существовали. Уже только по этой причине курган 2 не мог быть сооружен (192/193)

раньше, чем были совершены захоронения на нижнем уровне в склепе кургана 3 (ранний тесинский период).

Насыпь кургана 2 высотой 4,3 м имела пирамидальную форму и была сложена из кусков нарезанного дерна. Каменная ограда размерами 35 x 35 м сооружена из горизонтально уложенных на высоту до 1,7 м плит. В ограде установлено 18 вертикальных угловых и простеночных камней высотой до 5 м. В южном углу ограды, на уровне древней поверхности, обнаружено захоронение женщины с пробитым в древности черепом.

В центре ограды находилась могильная яма размерами 6 x 6 м, глубиной 2,4 м. Земляное дно было покрыто берестой, поверх нее лежали деревянные плахи, стены укреплены вертикально установленными плахами. Сруб высотой около 1 м сделан также из плах. Многослойное покрытие могильной ямы состояло из одного настила бревен, поверх которых, в перпендикулярном им направлении, были положены еще три бревенчатых наката. Верхние бревна затянуты несколькими слоями бересты, затем положен войлок, придавленный решеткой из жердей, потом – снова береста, хворост, а поверх него – жерди. С юго-западной стороны к покрытию примыкал вход в камеру с дополнительным «вестибюлем». Конструктивные элементы входа: деревянный пол, «пилоны» – вертикальные бревна по продольным сторонам, потолок из горбыля, хворост у вертикальных столбиков, береста поверх всего сооружения. Ширина входа – 1 м, высота – около 1,7 м.

Число погребенных в склепе четко не установлено. Среди разрозненных костей в заполнении и на дне могилы обнаружены три черепа мужчин пожилого возраста и череп молодого человека (пол не определен). Все черепа были трепанированы в

затылочной части. В заполнении входа найдены кости еще двух взрослых людей. Из костей животных обнаружены два черепа коня и череп овцы.

Находки представлены обломками двух небольших глиняных сосудов котловидной формы, бронзовыми котелком-курильницей, зеркалом и ножом с остатками золотой фольги на нем; железным ножом, также обернутым золотой фольгой, бусинами. Многочисленны находки аппликаций из золотой фольги, плоские и рельефные, украшавшие прежде драпировку стен сруба, а также покрывавшие не сохранившиеся мелкие декоративные изделия из кожи, коры, бересты: полосы с зубчатым и пламевидным орнаментом, ажурные накладки, «запятые», изображения голов грифов, фигурки стоящих и лежащих баранов, кошачьих хищников, оленя и др.

Автор раскопок отнес курган к разряду «царских» и датировал его 4 – 3 вв. до н. э. (Курочкин, 1993б).

Конструктивные особенности кургана (устройство ограды, камеры, входа), наличие трепанации на черепахах, аналогии ряду вещей позволяют, на мой взгляд, включить памятник в группу ранних тесинских курганов-склепов, сооружавшихся с конца 3 до середины 1 вв. до н. э. Такая датировка частично соответствует и заключению Э.Б. Вадецкой (1994) о том, что памятник возведен в пределах 1 в. до н. э. – 1 в. н. э.

Таким образом, три больших «царских» кургана были сооружены, вероятнее (193/194)

всего, на рубеже и в самом начале хуннской эпохи. Этот вывод помогает лучше понять и объяснить суть культурных изменений, происходивших в Минусинской котловине на рубеже эпох. Новшества в архитектуре, обряде и инвентаре, появляющиеся в это время в позднейших сарагашенских курганах с коллективными захоронениями, связаны с уже имевшимися образцами для подражания – курганами элиты (рис. 1). В позднейших сарагашенских курганах около половины признаков являются традиционно-тагарскими и около половины – инновационными, из которых одна часть связана с курганами элиты, а другая появляется независимо от них.

Более отчетливо прослеживаются инновации в тесинских курганах-склепах (рис. 2). В них число тагарских признаков резко уменьшается, более 40% инноваций имеют независимый источник, а еще около 25% – связаны с курганами высшей знати и позднейшими сарагашенскими курганами рядового населения. Постепенно инновации приобретают канонический характер, закрепляя новые культурные традиции в тесинской погребальной практике.

Следовательно, одним из факторов формирования новой тесинской культуры являлось наличие элитарной субкультуры высшего слоя знати, содержавшей в своей структуре инновационные элементы по отношению к существующей (тагарской) традиции. Можно предположить, что представители этого высшего слоя были пришельцами.

Такой вывод интересен в теоретическом плане: с подобных позиций могут быть рассмотрены курганы с захоронениями элиты, сооружавшиеся в период формирования тагарской культуры и позднее – на рубеже подгорновско-сарагашенского времени – в период ее трансформации.

Архитектурные особенности тесинских курганов-склепов. В архитектуре тесинских курганов-склепов прослежено несколько строительных традиций. Первая – минусинская курганная. Вторая восходит к курганам высшей «сарагашенской» элиты (Салбык, Барсучий Лог, Большой Новоселовский; рис. 1) и, видимо, через них – к пазырыкским курганам алтайской знати (сруб в срубе) и захоронениям хуннских вождей (вход-дромос). Третья связана с ханьскими гробницами Китая (вертикальные опорные столбы, двухэтажные подземно-наземные конструкции). Вероятнее всего, на начальном этапе ханьские строительные традиции проникали на Енисей опосредованно, а позднее, на втором этапе тесинской культуры, судя по созданию в это время дворца ханьской архитектуры около Абакана, воздействие могло быть прямым.

Несмотря на определенную «индивидуальность» каждого из тесинских склепов, определены достаточно устойчивые типы погребальных сооружений. Установлено общее направление эволюции тесинских склепов: подземная деревянная камера в глубокой грунтовой яме – двухэтажная подземная конструкция – двухэтажная конструкция с подземной и наземной камерами – наземный склеп (рис. 2).

Конструкции сложных таштыкских склепов генетически связаны с наземными тесинскими погребальными сооружениями (рис. 3).

(194/195)

Тесинские грунтовые могильники. По количеству могил выделены четыре варианта тесинских грунтовых могильников. Структурной основой более крупных являются «малые». По форме и особенностям наземных каменных сооружений и устройству внутримогильных конструкций определены их отдельные типы и варианты. По особенностям погребального обряда устанавливаются шесть типов захоронений: обряд трупоположения, частичные (парциальные) захоронения, вторичные перезахоронения, захоронения кремированных останков, захоронения мумифицированных трупов, кенотафы. По типам конструкций, обряду, характерным вещам различаются ранние (второй этап) и поздние (третий этап) тесинские грунтовые могилы.

Датировка тесинских памятников. По аналогиям вещам в памятниках Китая эпохи Хань, сюнну в Забайкалье и Монголии, в комплексах Средней Азии и Причерноморья, результатам количественного спектрального анализа стеклянных бусин (Галибин, 2001), радиоуглеродным датам (Görsdorf, Parzinger, Nagler, 2004; Евразия в скифскую эпоху..., 2005) определяется абсолютная хронология памятников каждого из трех этапов: первый – конец 3 в. до н. э. – середина 1 в. до н. э., второй – середина 1 в. до н. э. – 1 в. н. э., третий – 2 в. н. э. – первая треть 3 в. н. э.

Период существования погребальных памятников тесинской культуры (конец 3 в. до н. э. – первая треть 3 в. н. э.) совпадает со временем правления в Китае династий Цинь (221 – 207 гг. до н. э.) и Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.), а также с периодом владычества в степях Центральной Азии кочевых империй сюнну (конец 3 в. до н. э. – конец 1 в. н. э.) и сяньби (конец 1 в. н. э. – 235 год н. э.).

Ранние таштыкские могильники типа Комаркова-Песчаная появляются, видимо, на рубеже 2 – 3 вв. н. э. и сосуществуют с позднейшими тесинскими памятниками. Более поздние таштыкские могильники типа Оглахты, как было уточнено совсем недавно, появились, скорее всего, не ранее последней трети 3 в. н. э. (Лубо-Лесниченко, 1994; Зайцева и др., 2007).

Особенности погребального обряда. В тесинское время принципиально различались обряды захоронения в курганах-склепах и грунтовых могильниках.

Склепы, скрытые под насыпями тесинских курганов, представляли собой «подземные дома мертвых», предназначенные для длительного функционирования и захоронения до 100 – 300 умерших (рис. 2). До помещения в склеп трупы подвергались специфической обработке. На основе анализа археологических материалов удалось реконструировать последовательность операций с трупами (Кузьмин, Варламов, 1988).

Первоначально производились искусственные операции по удалению мягких частей трупов (внутренние органы, мышцы). При удалении мягких тканей в местах крепления мышц срезались фрагменты костей. Скелет скреплялся при помощи деревянных палочек и веревочек, кости скелета оборачивались травой, одевалась погребальная одежда. Череп трепанировался, очищался и заполнялся травой. Очищенный череп покрывался глиной и гипсом, затем раскрашивался. Типы раскраски черепов мужчин и женщин различны, их семантика восходит к изображениям окуневских личин (Кузьмин, 2006). «Глиняная голова» крепилась (195/196)

к искусственно воссозданному «туловищу». Так создавалась практически стерильная кукла-манекен, помещаемая после прощальных церемоний в склеп.

Удаленные мягкие части тел вместе с косточками захоранивались в находящихся поблизости от склепов грунтовых могильниках. Подобные захоронения были названы частичными или парциальными (Кузьмин, 1988; 1991; Kouzmine, 1994). Раздвоение погребального обряда говорит о существовании определенных связей между людьми, хоронившими умерших в склепах и в грунтовых могилах.

Сравнение тесинских приемов обработки тел умерших с операциями, проводившимися при мумификации трупов, захороненных в пазырыкских курганах Алтая, обнаруживает их значительное сходство (Руденко, 1960; Феномен..., 2000; Полосьмак, 2001; Kouzmine, 2005). Видимо, традиция мумификации проникает в Минусинскую котловину вместе с переселенцами из Алтая. Алтайские приемы бальзамирования эволюционируют и модифицируются на Енисее. Возникает новый, оригинальный обычай изготовления кукол-манекенов.

Учитывая отдельные находки мумифицированных частей тел в Туве, можно поставить вопрос о «феномене Саяно-Алтайских мумий» в скифское и хуннское время.

В контексте исследуемой проблемы становится актуальным вопрос о происхождении обычая мумификации в Саяно-Алтае в скифское время. Вероятно, в основе этой традиции лежат обычаи искусственных операций с трупами, возникшие в эпоху ранней бронзы в окуневской культуре (Кузьмин, 2006).

В таштыкское время продолжают традиции захоронения по обряду трупоположения, производится мумификация тел умерших, широко распространяется обряд кремации. Пепел кремированных трупов сначала зашивали в погребальных куклах, которые затем захоранивались в могилах. Позднее пепел помещали в глиняные маски-бюсты (урны), устанавливаемые в склепах (Вадецкая, 1999).

Особенностью погребального обряда тесинского времени являются захоронения собак, которые совершались поблизости или среди грунтовых могил и в насыпях курганов-склепов.

Этнографические параллели. Начиная с конца 19 в. вплоть до настоящего времени, в трудах многих ученых для интерпретации археологических материалов хуннского времени привлекаются источники по этнографии народов Сибири. В основном приводятся аналогии таштыкским памятникам, так как предшествующие им по времени – тесинские – не были изучены в полной мере. Наиболее конкретные этнографические параллели отмечены у народов Сибири, связанных своим происхождением с территорией Саяно-Алтая (Семейная обрядность ..., 1980), прежде всего, у угров (ханты, манси) и самодийцев (ненцы, энцы, нганасаны). У этих народов существовал обычай изготовления заместителя умершего – куклы, в которой находилась одна из его душ. Куклы сохраняли и оберегали долгое время, затем захоранивали в той же могиле, что и труп. Лица умерших покрывали материей, кожей, мехом, что являлось символической заменой реальных масок хуннского времени. (196/197)

Изготовление кукол – «хранилищ душ» умерших – практиковалось и у якутов, возможно, также связанных своим происхождением с территорией Саяно-Алтая.

Обычай изготовления кукол – «заместителей умершего» и «хранилищ их душ» – был распространен у народов Нижнего Амура (нанайцы, ульчи, негидальцы, орочи, удэгейцы). Обряды, связанные с использованием кукол у нанайцев (гольдов), подробно изучал А.Н. Липский (1956). Он привел описание длительного цикла погребальных церемоний, а также представлений, определявших подобные действия. Возможным объяснением данных аналогий может быть предположение о контактах амурских и енисейских племен в древности.

Особенности тесинского погребального обряда, включающего искусственное удаление мягких тканей трупа при изготовлении погребальных кукол, позволяет расширить круг этнографических параллелей.

Обычай искусственных операций с телами умерших зафиксирован у многих народов Центральной Азии, Сибири и Дальнего Востока (Кузьмин, 1991). В этом аспекте особый интерес представляет обычай посмертных анатомических операций, отмеченный у юкагиров, этническая история которых, возможно, была также связана с саяно-алтайским регионом. Этнографы отмечают, что обычай анатомирования трупов, распространенный у народов северо-востока Сибири (чукчи, коряки), корреспондирует с юкагирским обычаем расчленения тел умерших шаманов (Семейная обрядность ..., 1980).

Религиозные представления. Реконструкция тесинского погребального обряда помогает также установить время и возможные истоки появления представлений и культовых действий, связанных с шаманизмом народов Сибири.

Вероятно, шаманизм в Саяно-Алтае складывался на основе (или под непосредственным воздействием) индоевропейской ритуально-мифологической системы в процессе контактов, оседания и смешения нескольких волн пришельцев-европеоидов с местными племенами. В генезисе шаманизма можно выделить ряд этапов его становления. Наиболее важны позднейшие – хуннский и древнетюркский – так как в

генетическом плане шаманизм ряда современных народов, в частности, Саяно-Алтая, непосредственно связан с культурами этих эпох. В это время обособлялись отдельные сформировавшиеся этнические группы древнего населения, происходило конкретно-специфическое оформление шаманистских обрядов, ритуалов и представлений в каждой из них (Кузьмин, 1992б).

Монументальные тесинские подземные склепы могли использоваться не только для захоронений, но и для проведения иных обрядов, например, инициации и получения шаманского дара. В ощущениях и представлениях испытуемых при проведении этих обрядов есть много сходного: «временная смерть», «распад тела», «расчленение», «возрождение в новом качестве».

Постоянное проведение специфических операций с трупами, видимо, привело к появлению особой касты профессионалов, подготовленных психологически и технически. Ими могли быть первые шаманы. Они знали анатомию человека и, возможно, лечили больных. Вероятно, у них наблюдались нарушения психики, (197/198)

что вытекает из специфики их деятельности. Появление представлений о «временной смерти и расчленении», «скелетный» стиль в одежде связаны с их конкретной практикой.

Социальные различия. Расширение представлений о своеобразии тесинских памятников, характерных особенностях погребального обряда актуализирует проблему изучения социальной структуры тесинского общества.

Среди курганов-склепов раннего этапа по ряду критериев выделяются склепы с захоронениями небольшого числа лиц, принадлежавших, видимо, к привилегированному слою родоплеменной знати. Для среднего и позднего этапов культуры ключевым становится вопрос определения причин того, что две группы населения хоронят умерших в разных погребальных сооружениях по разным обрядам. Чаще всего объяснения находят в их этническом различии. При этом несомненна определенная взаимосвязь между теми и другими памятниками и погребальными ритуалами (их близкое расположение, раздвоение обряда и др.), что говорит о наличии устойчивых социальных отношений.

Видимо, социальная структура общества основывалась на этнических различиях. Если это так, то можно говорить о том, что в это время складывается система этно-социального подчинения. Немаловажным является и то, что эта система поддерживалась идеологически. Религиозные представления высшего слоя, хоронившего умерших в склепах по усложненному погребальному обряду, отличались от верований других слоев населения, соорудивших грунтовые могильники.

Позднее усложненный обряд захоронения, включающий операции с трупами и обмазку черепов глиной и гипсом, появляется в грунтовых могильниках (Каменка), что связано с выделением собственного элитарного слоя в этой группе населения.

Этническая принадлежность, антропологические особенности, язык. Говоря об этнической принадлежности и языке, на котором говорило тагарское европеоидное население, необходимо учитывать три основные версии. По мнению Н.Л. Членовой (1967), они были ираноязычны, Л.Р. Кызласов (1960) полагал, что тагарцы говорили на

раннеугорских диалектах, Э.Б. Вадецкая (1999) считает, что тагарцы и часть таштыкцев были самодийцами.

Тесинское население было смешанным по составу: остатки тагарцев, различающиеся этнически группы переселенцев из Алтая и Тувы.

Судя по данным последних антропологических исследований, население, хоронившее умерших в тесинских грунтовых могильниках, было европеоидным. Спорадически встречающиеся черепа монголоидного облика не могут говорить об общей монголоидной примеси у тесинского населения, оставившего грунтовые могильники (Громов, 2003).

Антропологическое обследование костных материалов из склепов еще не закончено, но можно предполагать, что в них монголоидная составляющая будет значительно выше, особенно в склепах второго и третьего этапов, так как характерный для них усложненный погребальный обряд не имеет тагарских корней. (198/199)

Он был, скорее всего, привнесен новым населением, в культуре которого заметны центрально-азиатские элементы.

Исторические реконструкции. Сведения о событиях этого времени содержатся в китайских письменных источниках. В них описаны не только политические договоры и войны между китайскими войсками и кочевниками, но упомянуты и другие народы, то покорявшиеся сюнну и позднее сяньби, то вступавшие с ними в непримиримую войну. Среди них три, по мнению ряда ученых, локализируются в Саяно-Алтае – юэчжи, динлины и гяньгуни.

Юэчжи долгое время отождествлялись с пазырыкским населением. На основании археологических фактов, свидетельствующих о пазырыкском культурном влиянии начиная с позднесарагашенского времени, можно сделать вывод о том, что поздние сарагашенские и раннетесинские курганы возводило смешанное население, состоящее из тагарцев и переселенцев – пазырыкцев.

Гяньгуни, по мнению В.В. Бартольда, первоначально проживали в районе озера Кыргыз-нор. Было высказано предположение о проникновении гяньгуней в хуннское время в Минусинскую котловину (Киселев, 1949; Кызласов, 1960). Видимо, тесинские грунтовые могилы соорудило смешанное население, состоящее из тагарцев и мигрантов из Тувы. Вместе с последними могли мигрировать и гяньгуни. Эта гипотеза требует тщательной проверки.

Динлины первоначально отождествлялись с европеоидными племенами тагарской культуры. Затем было установлено, что сведения китайских письменных источников о динлинах относятся к периоду с 3 в. до н. э. по 3 в. н. э. Территория их расселения была достаточно широка. Сейчас представляется возможным отождествить тесинское население и родственные им по культуре племена, проживавшие в это время в лесостепных районах к северу, западу и востоку от них, с динлинами китайских хроник.

Заключение. Выделение на основе анализа погребальных памятников новой – тесинской – культуры ставит перед исследователями новые задачи. Среди них –

изучение других, не погребальных археологических комплексов, более полно характеризующих тесинскую культуру (поселения, городища, оросительные каналы, рудники, писаницы, клады и др.). До сих пор не проведено комплексное антропологическое исследование костных остатков из склепов, не решены окончательно вопросы этнического различия групп населения, соорудивших курганы и грунтовые могильники; не достаточно хорошо изучены социальная структура и религиозно-мировоззренческие представления.

Вместе с тем, проведенное исследование позволяет по-новому оценить и охарактеризовать направление и особенности этнокультурных процессов, проходивших в ранний период гунно-сарматской эпохи в степях Минусинской котловины как части единого региона Саяно-Алтая.

(199/200)

Литература:

- Боковенко Н.А., Красниенко С.В. Могильник Медведка II // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. Л.: Наука, 1988. С. 23 – 45.
- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986.
- Вадецкая Э.Б. Кара-Курген, Узун-Оба, Салбык, Большой Новоселовский (версии о курганах вождей тагарских племен) // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб. 1994. С. 62 – 69.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. (Archaeologica Petropolitana, VII). 438 с.
- Галибин В.А. Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. (Archaeologica Petropolitana, XI). 216 с.
- Готлиб А., Парцингер Г., Наглер А. Исследования «царского» кургана Барсучий Лог скифского времени в Южной Сибири // Тезисы Международной научной конференции «Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи». Астана. 2007. С. 40 – 42.
- Громов А.В. К вопросу об антропологическом составе и происхождении тесинского населения юга Хакасии // Степи Евразии в древности и средневековье. Книга II. СПб. 2003. С. 33 – 36.
- Грязнов М.П., Тагарская культура // История Сибири. Том 1. Л. 1968. С. 187 – 196.
- Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 90 – 141.
- Дэвлет М.А. Большой Салбыкский курган – могила племенного вождя // Из истории Сибири. Вып. 21. Томск. 1976. С. 146 – 154.
- Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. // Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Кук Г., ван дер Плихт И., Посснерт Г., Семенцов А.А., Скотт Е.М., Чугунов К.В. СПб.: Теза, 2005. 290 с.
- Зайцева Г.И., Семенцов А.А., Лебедева Л.М., Панкова С., Васильев С.С., Дергачев В.А., Юнгер Х., Соннинен Е. Новые данные о хронологии памятника Оглахты-6 // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб.: Теза, 2007. С. 300 – 307.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. (МИА; № 9). М. – Л., 1949. 364 с.
- Киселев С.В. Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг. // Тезисы доклада на сессии Отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 г. М. 1956. С. 56 – 58.

Кузьмин Н.Ю. К вопросу о формировании раннетесинских культурных традиций // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье: Тезисы докладов областной научной конференции. Омск: ОГУ, 1987. С. 112 – 116.

(200/201)

Кузьмин Н.Ю. Тесинский могильник у деревни Калы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. По материалам раскопок 1980 – 1984 гг. Л. 1988. С. 55 – 82.

Кузьмин Н.Ю. Военно-политические события и высшая власть ранних кочевников Саяно-Алтая // Скифо-сибирский мир (социальная структура и общественные отношения). Тезисы докладов. Часть 1. Кемерово. 1989. С. 23 – 27.

Кузьмин Н.Ю. Ограбление или обряд? // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб. 1991. С. 146 – 155.

Кузьмин Н.Ю. Тесинская культура в степях Среднего Енисея. // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Тезисы докладов. Часть вторая. Омск: ОГУ, 1992а. С. 72 – 74.

Кузьмин Н.Ю. Генезис Саяно-Алтайского шаманизма по археологическим источникам // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы докладов конференции к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб. 1992б. С. 125 – 130.

Кузьмин Н.Ю. Курган у деревни Новомихайловка. СПб. 1994. 60 с.

Кузьмин Н.Ю. Некоторые итоги и проблемы изучения тесинских погребальных памятников Хакасии // Южная Сибирь в древности. СПб.: ИИМК РАН, 1995. (Археологические изыскания, выпуск 24). С. 151 – 162.

Кузьмин Н.Ю. Окуневский код в семантике тесинско-таштыкской раскраски масок // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. 2006. С. 343 – 351.

Кузьмин Н.Ю., Варламов О.Б. Особенности погребального обряда племен Минусинской котловины на рубеже нашей эры. Опыт реконструкции // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск. 1988. С. 146 – 155.

Курочкин Г.Н. Тагарские курганы в зоне строительства Новоселовской оросительной системы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. Л. 1988. С. 5 – 22.

Курочкин Г.Н. Раскопки скифского «царского» кургана на юге Сибири // АВ. № 3. СПб. 1993а. С. 31 – 43.

Курочкин Г.Н. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы). СПб.: ИИМК РАН, 1993б. (Археологические изыскания, выпуск 7). 94 с.

Курочкин Г.Н., Павлов П.Г. Пост-тагарская художественная терракота // Южная Сибирь в древности. СПб. 1995. С. 143 – 150.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. МГУ. 1960. (Отв. ред. С.В. Киселев).

Липский А.Н. Некоторые вопросы таштыкской культуры в свете сибирской этнографии (II в. до н. э. – IV в. н. э.) // Краеведческий сборник. Абакан. 1956.

Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути. М. 1994. 326 с.

Полосьмак Н.В. Бальзамирование у пазырыкцев // Феномен Алтайских мумий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с. (201/202)

Пшеницына М.Н. Курганы и могилы на дне Красноярского водохранилища // АО 1973 г. М., 1974.

Пшеницына М.Н. Культура племен Среднего Енисея во II - I вв. до н. э. (тесинский этап). Автореферат канд. дисс. Л. 1975.

Пшеницына М.Н. Тесинский этап // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 224 – 235.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 359 с.

Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). Отв. ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1980.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // МЭ. Т. IV. Вып. 2. Л., 1929. С. 41 – 62.

Хаславская Л.М. Раскопки тагарского кургана на могильнике Колок // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1980. С 187 – 193.

Членова Н.Л. Тагарская культура на Енисее // Древняя Сибирь. История Сибири. Т. 1. Макет. Улан-Удэ. 1964.

Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 299 с.

Членова Н.Л. Тагарская культура // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 206 – 224.

Görsdorf J., Parzinger H., Nagler A. 14C Datings of the Siberian Steppe Zone from Bronze Age to Scythian Time // Impact of the Environment on Human migration in Eurasia. – Dodrecht – Boston – London: Kluwer Academic Publishers, 2004. – NATO Science Series. IV Earth and Environmental Scienc. V. 42. – P. 83 – 89.

Kouzmine N. Grabdenkmäler der Frühen Hunnenzeit in den Steppen des mittleren Jenissej (die Tes'-Kultur). Doktorarbeit zur Erlangung des akademischen Grades D-r. Phil. vorgelegt an der Philosophischen Fakultät 1 der Humboldt Universität zu Berlin. – Berlin, 2005. – Band 1. – 323 S.; Band 2. – 108 S. und 127 Tabellen.

Parzinger H., Nagler A., Gotlib A. 2004. Die Fürstengräber der Tagar-Kultur // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. München. Berlin. London. New York: Prestel, 2007. S. 102 – 115.

(202/203)

Рис. 1. Курган Салбык. Раскопки С.В. Киселева в 1954 – 1956 гг. Реконструкция.

(203/204)

Рис. 2. Тесинский наземный курган-склеп Новые Мочаги. Раскопки Н.Ю. Кузьмина в 1981 – 1983 гг. Реконструкция.

Рис. 3. Ташебинский чаатас, таштыкский склеп 1, раскопанный Е.Д. Паульсом в 1990 г. Реконструкция (по: Efimov, Pauls, Podolskiy 1995).

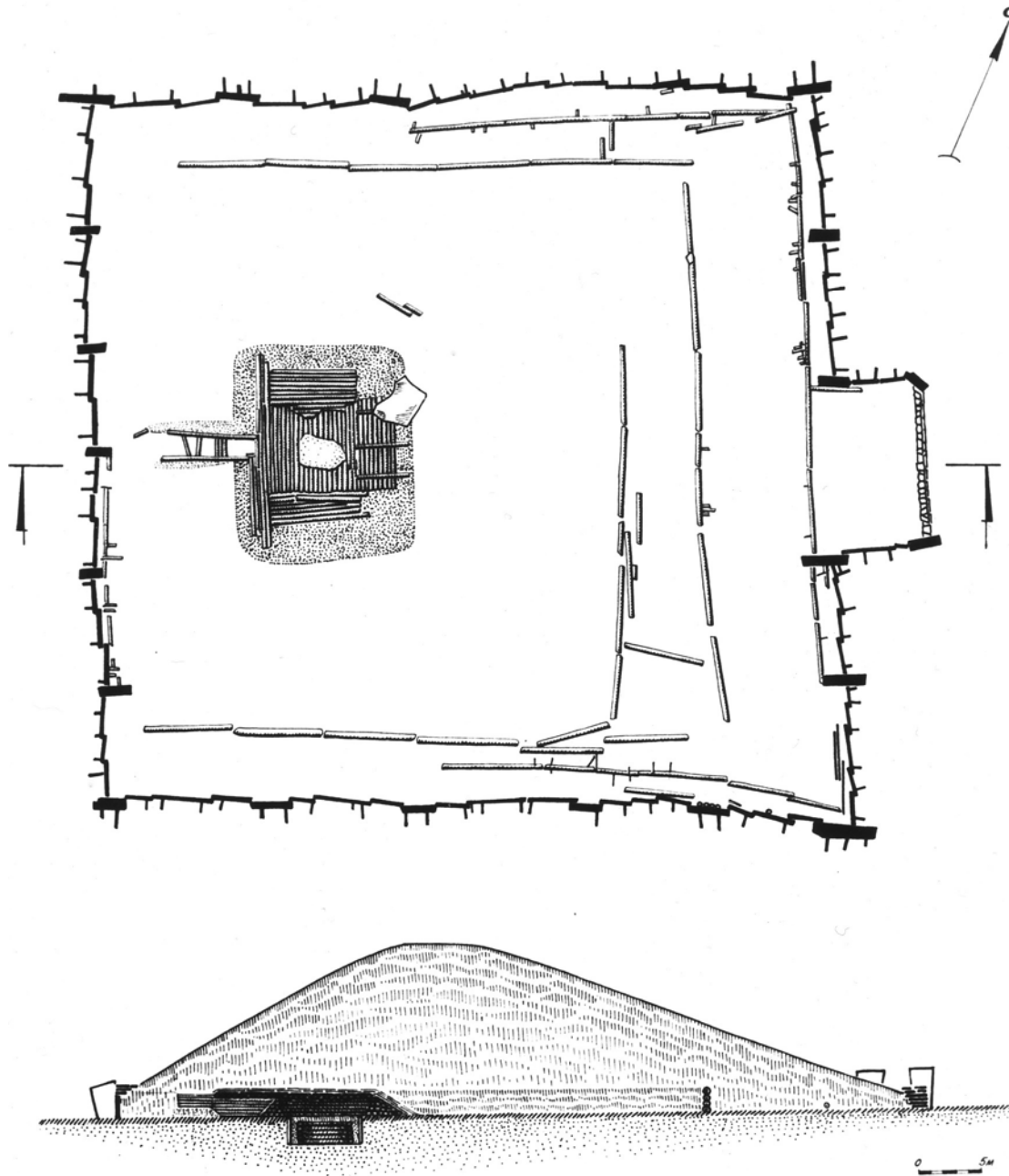

Рис. 1. Курган Салбык. Раскопки С.В. Киселева в 1954 – 1956 гг. Реконструкция.

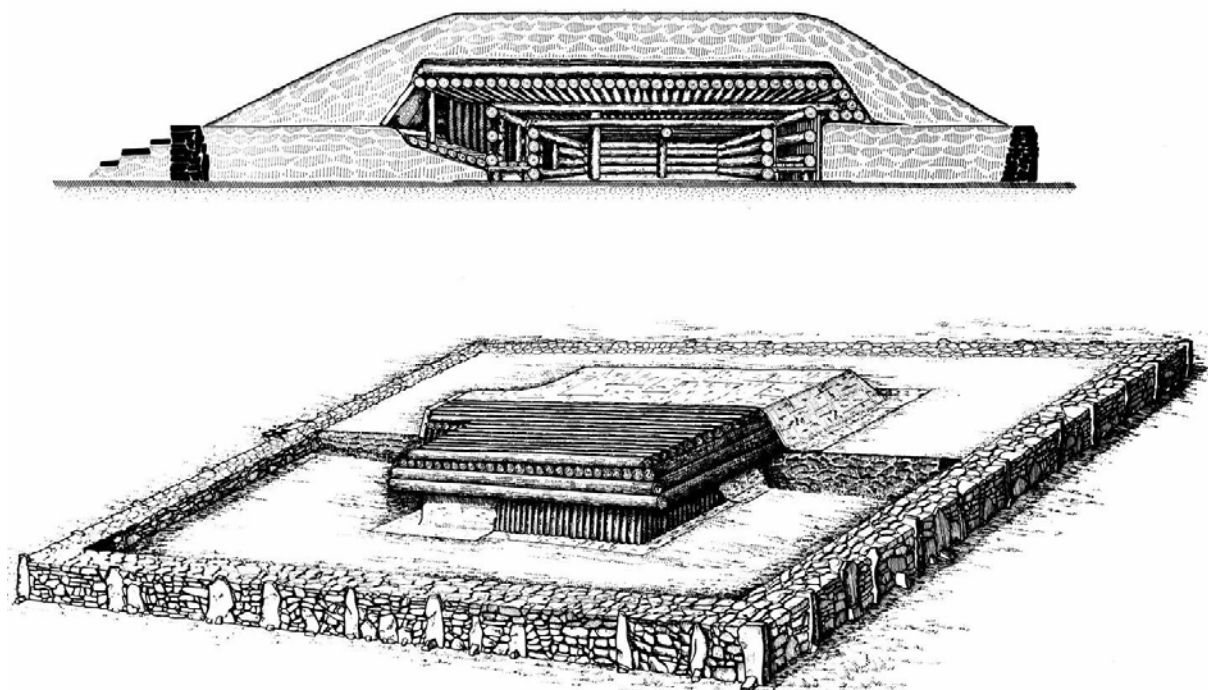

Рис. 2. Тесинский наземный курган-склеп Новые Мочаги. Раскопки Н.Ю. Кузьмина в 1981 – 1983 г. Реконструкция.

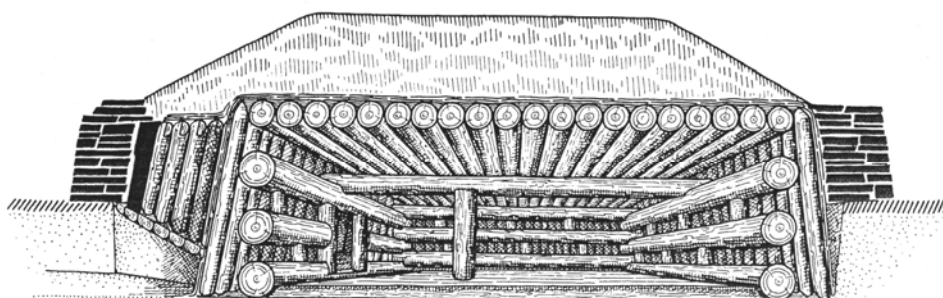

Рис. 3. Ташебинский чаатас, таштыкский склеп 1, раскопанный Е.Д. Паульсом в 1990 г. Реконструкция (по: Efimov, Pauls, Podolskiy 1995).